

М. О. ГЕРШЕНЗОН

СТАТЬИ О ПУШКИНЕ

Со вступительной статьей
Леонида Гроссмана
ГЕРШЕНЗОН — ПИСАТЕЛЬ

Граф Нулин

Как Белинский семьдесят лет назад определил „химическое содержание“ этой поэмы и согласно своему определению поставил ее на полочку, так она и до сих пор красуется на той же полочке, выделяясь четкой наклейкой: „Грациозная шутка и первый опыт русского натурализма“. Действительно, анализ привел Белинского к такому заключению: «Граф Нулин» — не более, как легкий сатирический очерк одной стороны нашего общества, но очерк, сделанный рукою в высшей степени художественною... В этой повести все так и дышет русскую природою, серенькими красками русского деревенского быта. Здесь целый ряд картин в фламандском вкусе, — и ни одна из них не уступит в достоинстве любому из тех произведений фламандской живописи, которые так высоко ценятся знатоками. Что составляет главное достоинство фламандской школы, если не уметь представлять прозу действительности под поэтическим углом зрения? В этом смысле «Граф Нулин» есть целая галерея превосходнейших картин фламандской школы“. В подтверждение этой мысли указывается, что „в лице графа Нулина поэт с неподражаемым мастерством изобразил одного из тех пустых людей высшего светского круга“, и т. д. — „Наталья Павловна — тип молодой помещицы новых времен“, и т. д., — горничная Наталья Павловны — „тип всех русских горничных“ такого то рода. И в заключение: „Говорить ли, что вся поэма, исполненная ума, остроумия, легкости, грации, тонкой иронии, благородного тона, знания действительности, написана стихами в высшей степени превосходными?“

Приговор Белинского тотчас вошел в силу и господствует донныне. В 4-м томе большого Академического издания Пушкина, помеченном 1916 годом, П. О. Морозов кончает свою прекрасную историко-литературную статью о «Графе Нулине» строками, целиком повторяющими суждение Белинского: „Нулин явился в нашей литературе первой ласточкой того

нового направления, которое впоследствии, в эпоху Мертвых душ, получило название „натуральной школы“... Сама по себе незначительная повесть Пушкина для своего времени была и большою смелостью, и своего рода литературным откровением. Пять лет спустя за нею последовали «Повести Белкина».

Белинский и не мог оценить поэму Пушкина иначе, нежели он это сделал; но чем можно извинить простодушие позднейших критиков, которым уже было известно то, чего не знал Белинский, — объяснение самого Пушкина о замысле его маленькой поэмы? Это объяснение напечатал еще Анненков в своих «Материалах для биографии Пушкина», — правда, не полностью, хотя перед ним был полный текст. Сам Анненков видел в этой записи только подтверждение установившейся уже мысли, что «Граф Нулин» — веселая шутка; он предпосылает строкам Пушкина такие слова: „Сказочка эта (т. е. «Граф Нулин»)... обязана происхождением забавной мысли, которую сам автор рассказывает на одном клочке бумаги“ и т. д. — и, приведя запись Пушкина, замечает: „Так справедливо, что против шутки Пушкин не мог устоять“. С тех пор все, кому случалось писать о «Графе Нулине», неизменно приводили и запись Пушкина, объясняя ее так же, как Анненков; в Венгеровском издании Пушкина один из комментаторов, сообщая, что «Граф Нулин», есть плод возрождавшейся о ту пору в Пушкине „жизнерадостности, принимавшей по временам бравурную, экзальтированную форму“, плод „заразительного веселья“, сообщает и запись поэта, говоря: „полна юмора уже заметка о происхождении этой поэмы“. Но и полный текст ее, впервые сообщенный П. О. Морозовым в названной статье, не помешал ему же повторить суждение Белинского, основанное на недостаточном знании.

Вот запись Пушкина в приблизительно - точном списке.

„В конце 1825 года находился я в деревне. Однажды, перечитывая Лукрецию, довольно слабую поэму Шекспира, я повторил пошлое замечание о мелких причинах великих последствий. Я подумал: что еслиб Лукреции пришло в голову дать пощечину Тарквинию? Быть может, это охладило б его предприимчивость, и он со стыдом принужден был отступить? Лукреция б не зарезалась, Публикола не взбесился бы, Брут не изгнал царей (зачеркн. цари под покровом) и мир и история мира были бы не те. Итак, республикою, консулами, диктаторами, Катонами, Цесарем мы обязаны соблазнительному происшествию, подобному тому, которое случилось недавно

в моем соседстве, в Новоржевском уезде. — Мысль пародировать историю и Шекспира мне представилась, я не мог сопротивиться двойному искушению и в два утра написал эту повесть. Я имею привычку на моих бумагах выставлять год и число. Гр. Нулин писан 13 и 14 дек. Бывают странные сближения —“...

На этом слове запись обрывается.

Надо прибавить, что сообразно с этим замыслом Пушкин первоначально думал озаглавить свою поэму — «Новый Тарквиний»; это заглавие написано карандашом в черновой. Там же имеется и собственноручная дата — Михайловское, 13 декабря 1825. В самой поэме ее происхождение не обнаружено ничем, если не считать упоминания имен Лукреции и Тарквиния.

В надежде сладостных наград,
К Лукреции Тарквиний новый
Отправился на все готовый...

и вторично:

Она Тарквинию с размаха
Дает пощечину...

Что же говорит нам приведенная сейчас запись? Ее смысл ясен: задумывая свою поэму, Пушкин отнюдь не ставил себе целью — ни написать веселую шутку в стихах, ни нарисовать жанровую картину из русского помещичьего быта. «Граф Нулин» стал тем и другим по форме, и в этом Белинский и его последователи совершенно правы; Пушкин одел свою мысль в жанровую и шутливую одежду, мастерски сшитую, но ведь одежда, есть только одежда, прикрытие, и ничего больше. Лермонтов был великий поэт, и вместе офицер: что мы сказали бы о его военном начальстве, которое оценивало его вероятно только по его офицерским качествам? Не так ли, по внешности, судит и наша критика о «Графе Нулине»?

Мысль Пушкина ясна из его записи. Вот происшествие: насилие Тарквиния над Лукрецией; это происшествие явилось причиною громадных исторических событий; что же: должны ли мы думать, что в самой сущности его были заложены и неизбежность, и самый характер этих всемирных последствий, как в малом зерне — весь будущий колос? Но ведь точно такие же зерна, как это попадают нам всюду; стоит только нагнуться, чтобы подобрать такое зерно. Нет ничего легче, как взять одно из них и исследовать его, так сказать, химически, тогда будет ясно, присуща ли ему в самом деле творческая сила этого определенного порядка. Зерно-событие—

попытка постороннего мужчины овладеть замужней женщиной: Пушкин берет такое зерно и на глазах читателя разлагает его на составные части. Весь анализ он производит сравнительно: вот историческое зерно — Тарквиний — Лукреция, и вот экспериментальное зерно — граф Нулин — Наталья Павловна. До половины анализ обоих совпадает вполне: там и здесь — отлучка мужа, приезд сластолюбца, его беседа с женою, ее рукопожатие, его ночное возбуждение, наконец его преступная попытка. Но тут, в кульминационном пункте, тожество вдруг прерывается: Лукреция поддалась насилию, Наталья Павловна отражает насилие. Вследствие этого крошечного отклонения дальнейший ход происшествия дает в обоих случаях две далеко расходящиеся линии — там трагедию, сперва только личную, а в последствиях своих — и мировую, здесь — анекдот, разрешающийся смехом. Итак, не самое происшествие по существу, а только одна микроскопическая часть его послужила причиной исторических событий; и эта частность в нем — вовсе не органическая; она случайна; она была, но могла и не быть; ведь чистая случайность, что Лукреция „не пришло в голову“ то, что „пришло в голову“ пустенькой Наталье Павловне, — дать пощечину насильнику. Из этой то микроскопической случайности развился колоссальный ряд потрясений — изгнание царей из Рима, установление республики, и т. д.; она, такая ничтожная, своими последствиями перевернула мир, можно сказать даже — поколебала самое небо: именно это, повидимому, хотел сказать Пушкин в зачеркнутых словах: „Цари под покровом“ — богов.

Итак, Пушкин экспериментальным путем выделит подлинное творческое ядро события — и оно оказалось еле заметной пылинкой, какими полна человеческая жизнь. Обыкновенная, ничтожная пылинка, оказалась заряженной динамитом; попав в ту среду: Рим, цари, Брут, — в среду очевидно благоприятную для взрыва, она вызвала местный и потом всеобщий взрыв. Не таков ли всеобщий закон человеческой жизни, личной и исторической? Вся она состоит из пылинок, — из происшествий, индивидуальных поступков и случайностей, и каждая пылинка по составу своему — динамит: все дело в том, попадет ли она в горючий материал, или не попадет. Вот эта колоссальная взрывчатая сущность каждого материального атома и поразила Пушкина в драме Лукреции; отсюда замысел его поэмы, — и мысль свою он облек в форму комического „фламандского“ жанра, которую одну и видела критика. «Граф Нулин» — вовсе не шалость пера; недаром Пушкин несколько лет спустя, защищая эту свою поэму против упреков в скабрёзности, свидетельствовал, что

она писана, „будь сказано мимоходом, самым трезвым и благопристойным образом“.

Теперь уже положительно известно, что приведенная выше запись Пушкина писана не ранее 1829 года: он упоминает в ней о сходном происшествии, случившемся недавно в его соседстве в Новоржевском уезде; в дневнике А. Н. Вульфа, изданном в 1916 г., рассказано это происшествие, на которое намекает Пушкин: оно случилось в феврале 1829 г. с самим Вульфом, на глазах Пушкина (неудачное ночное путешествие Вульфа в комнату молоденькой поповны). А запись Пушкина состоит, как сразу видно, из двух частей: вся она занята изложением мыслей, предшествовавших в нем созданию поэмы; но последний абзац, о дне ее написания, должен был содержать размышление Пушкина, возникшее уже в позднейшее время. «Граф Нулин» был написан 13 и 14 декабря 1825 года. В этот последний день, как известно, произошел в Петербурге бунт декабристов. Известно, как думал Пушкин о своей судьбе в связи с казнью, постигшей декабристов; не раз воспроизводилась та страница его рукописи, где нарисована виселица с пятью повешенными и вплотную над нею начата фраза: „И я бы мог как шут на“... и ниже на странице опять: „И я бы мог“, и внизу страницы снова та же виселица. И вот, с этой мыслью о гибели, возможной для него и случайно избегнутой, Пушкин однажды заметил, что в тот самый день, когда гибель могла его постигнуть, он писал «Нулина» — рассказ о пылинках, решающих участь людей и царств; и, быть может, он вспомнил о такой же пылинке, счастливо решившей его участь на этот раз, — о какомнибудь мелком происшествии, помешавшем ему стать участником декабрьского мятежа или даже только быть в тот день в Петербурге, — и его поразила мысль, что именно в тот роковой для него день он писал о роковой силе пылинок: вот на что намекает начатая им фраза: „Бывают странные сближения“... Он, может быть, думал: „Точно тайное предчувствие „грозы незримой“, витавшей надо мной в тот день, водило моим пером, когда я писал «Нулина». Известно, что о том же своем спасении от декабрьской грозы он рассказал в стихотворении «Арион» именно как о чуде:

Лишь я, таинственный певец
На берег выброшен гровою...

словно сама стихия оберегла его, свое дитя. Не оберегла ли она его, как раз послав ему в должный час ту пылинку, то происшествие, — может быть зайца перебежавшего дорогу, — которое и спасло его от декабрьского разгрома?

Все эти мысли свои, внушившие ему план и вдохновение поэмы, Пушкин утаил от читателей. Так он поступал всегда, и совершенно сознательно. Замысел должен быть скрыт; он должен быть лишь, как ветер для судна, дающий направление судну и стремительностью своей напрягающий паруса. Этот постоянный прием являлся у Пушкина, прежде всего, неизбежным следствием его теории искусства, а затем — и умышленным изъявлением его презрения к публике. Как он сам однажды сказал:

Станным сном
Бывает сердце полно...
Тогда блажен, кто крепко словом правит
И держит мысль на привязи свою.

Он не только утаивал свой замысел, — он еще издевался над читателем, который ведь будет искать „мораль“ и непременно найдет ее, носящую его собственный образ и подобие, и любил сам заранее подавать ее читателю именно такую. Так он закончил и «Нулина»:

Теперь мы можем справедливо
Сказать, что в наши времена
Супругу верная жена,
Друзья мои, совсем не диво.

Как весело он вероятно хохотал, прочитав в 1828 году, по выходе «Графа Нулина», отзыв Погодина о своей поэме! Погодин защищал ее от хулителей и поучал: „Строгие аристархи спрашивают о нравственной цели в этой пьесе. Вот она, если им того хочется (далее курсив самого Погодина): нескромные желания людей худо награждаются“. Спустя пять лет после «Нулина» Пушкин снабдил свой «Домик в Коломне» еще более саркастическим заключением — моралью о том, что кухарку даром нанимать опасно и что мужчине рискованно рядиться в женское платье, так как борода или ее бритые когданибудь неминуемо выдадут его. „Вот вам философия, какая вам доступна и нужна;

Больше ничего
Не выжмешь из рассказа моего“.

«Граф Нулин» был написан в Михайловском, по свидетельству самого Пушкина — „в два утра“, 13-го и 14-го декабря 1825 года. Сохранились две собственноручные рукописи поэмы, одна — в архиве А. Ф. Онегина, другая — у гр. Шереметева,

обе беловые, но с многочисленными карандашными поправками; Онегинская содержит очень большое количество разночтений сравнительно с печатным текстом, несомненно предшествующих последнему; напротив, варианты Шереметевской немногочисленны и незначительны. Онегинская рукопись представляет собою тетрадку в 14 листов бумаги в осьмушку; на первой странице карандашом написано заглавие: «Новый Тарквиний»; тут же дата: 1825. Михайловское, и рисунок карандашом: скачущий всадник — очевидно, муж Натальи Павловны — с собакой впереди и в конце рукописи пометка: 1825 — дек. 13. Полный текст Онегинской рукописи и разночтения Шереметевской напечатаны П. О. Морозовым в IV-м томе большого Академического издания сочинений Пушкина. Первоначально Пушкин отдал в печать только первые 30 стихов «Нулина», кончая стихом: «Опустошительный набег», они появились под заглавием: «Отрывок из повести Граф Нулин», в четвертой книжке «Московского Вестника» за 1827 год, вышедшей в свет в середине февраля. 20 июля 1827 г. Пушкин представил «Нулина» вместе с несколькими другими своими произведениями, на рассмотрение А. Х. Бенкендорфа; 22 августа Бенкендорф известил его о разрешении его пьес для печати, при чем о «Нулине» писал „Графа Нулина государь император изволил прочесть с большим удовольствием и отметить своеручно два места, кои его величество желает видеть измененными, а именно следующие два стиха:

Порою с барином шалит
и
Коснуться хочет одеяла.

Впрочем прелестная пьеса сия позволяется напечатать⁴. 27-го августа было выдано официальное удостоверение, что можно печатать с пометою: „с дозволения правительства“. На основании этого разрешения «Граф Нулин» был полностью напечатан в «Северных Цветах» на 1828-й год (альманах, издававшийся Дельвигом) с заменою тех двух запрещенных стихов другими:

Порою барина смешит
и
Уже руки ее коснулся

причем эта последняя замена потребовала переделки целых четырех стихов; у Пушкина было написано:

Уже коснулся одеяла —
Но что же делает она?
Смятенья, ужаса полна,

и т. д.

ОН ИЗМЕНИЛ ЭТИ СТИХИ ТАК:

Уже руки ее коснулся,
Но тут опомнилась она
Гнев благородный в ней проснулся,
И честной гордости полна,
и пр.

Из «Северных Цветов» был сделан и отдельный оттиск «Нулина» (может быть, только в небольшом количестве экземпляров — для автора), на выпуск которого 15-го ноября 1827 года было получено разрешение III-го Отделения. Затем в конце 1828 года, к Рождеству, вышла в Петербурге книжка, озаглавленная: «Две повести в стихах»; она содержала — на первом месте поэму Баратынского «Бал», на втором — «Графа Нулина»; наконец из этого издания были пущены в продажу по 2 р. 50 к. отдельные оттиски.